
От редакции. Коллектив журнала сердечно поздравляет нашего автора, доктора философских наук Нину Анатольевну Дмитриеву с избранием иностранным членом-корреспондентом по философско-историческому отделению Австрийской академии наук и желает ей дальнейших творческих успехов!

Сергей Рубинштейн о методе мышления у Гегеля: неокантианская критика*

© 2021 г. Н.А. Дмитриева

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, 236016
ул. Александра Невского, д. 14; Московский педагогический государственный университет,
Москва, 119991, ул. Малая Пироговская, д. 14.*

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru

Поступила 25.08.2020

В центре внимания автора – немецкая диссертация С.Л. Рубинштейна «О проблеме метода» (1913–1914 гг.), цель которой – решение проблемы метода трансцендентальной философии в ее отличии от философии Гегеля и дуалистических философских систем. После краткого описания контекста возникновения этой проблемы в 1910-х гг. по сохранившемуся в архиве экземпляру диссертации реконструируется ее общий первоначальный замысел. Далее показано, что опубликованная часть исследования Рубинштейна была первой серьезной попыткой объяснить отличие трансцендентальной логики Когена и Наторпа от того, что неокантианцы называли «абсолютным рационализмом» Гегеля. Этот вопрос стал одним из наиболее сложных вопросов философской саморефлексии марбургского неокантианства. Выяснено, что в своей критике Гегеля Рубинштейн основывается на когеновском положении об имманентности мышления и бытия, которая означает, что все бытие в смысле своей содержательной определенности является функцией мышления. В «Науке логики» Гегеля Рубинштейн находит нарушение этого принципа, а именно дуалистические черты, выражающиеся в самостоятельности бытия и мышления. Из дальнейших размышлений Рубинштейна становится ясно, что его критический тезис в адрес Гегеля о трансцендентности бытия по отношению ко всем остальным логическим определениям ориентирован на когеновскую концепцию последнего основания и его же проект открытой системы категорий. Однако для Рубинштейна осталось незамеченным, что эпистемологические различия понятия и предмета понятия, мышления и бытия преодолеваются еще в финале гегелевской «Феноменологии духа» в понятии абсолютного знания, а «Наука логики» представляет собой теорию чистого мышления, которая стремится обосновать содержательность мышления на основании методологического правила, с помощью которого одновременно раскрываются и различие бытия и мышления, и их единство с понятием чистого мышления.

* Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, Коген, Гегель, Кант, неокантианство, метод, рационализм, дуализм, научность, философская методология, история философии.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-90-102

Цитирование: *Дмитриева Н.А.* Сергей Рубинштейн о методе мышления у Гегеля: неокантианская критика // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 90–102.

Sergey Rubinstein on Hegel's Method of Thinking: a Neo-Kantian Criticism*

© 2021 Nina A. Dmitrieva

*Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), 14, Aleksandra Nevskogo str., Kaliningrad, 236016,
Russian Federation; Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru

Received 25.08.2020

In this research I focus on Sergey L. Rubinstein's German dissertation "A Study on the Problem of Method" (1913–1914), which aimed at solving the problem of method in transcendental philosophy as distinguished from Hegel's philosophy and dualistic philosophical systems. After a brief description of the context in which this problem emerged in the 1910s, I reconstruct its general original intent from the archive copy of the dissertation. Further I show that the published part of Rubinstein's study was the first serious attempt to explain the difference between the transcendental logic of Cohen and Natorp and what the Neo-Kantians called Hegel's "absolute rationalism". This issue has become one of the most difficult questions in the philosophical self-reflection of Marburg Neo-Kantianism. I reveal that in his critique of Hegel Rubinstein is based on the Cohen's thesis on the immanence of thinking and being, which means that all being in sense of its substantive determination is a function of thinking. In Hegel's "Science of Logic" Rubinstein finds a violation of this principle, namely dualistic features expressed in the independence of being and thinking. From Rubinstein's further reflections it becomes clear that his critical thesis against Hegel about the transcendence of being in relation to all other logical definitions is oriented on Cohen's conception of the last ground and his own project of an open system of categories. However, Rubinstein has overlooked that the epistemological differences between the concept and the object of the concept, thinking and being, are overcome on the last pages of Hegel's "Phenomenology of Spirit" by the concept of absolute knowledge, and "The Science of Logic" is a theory of pure thinking which seeks to justify the substantivity of thinking on the basis of a methodological rule, by means of which both the difference of being and thinking, and their unity with the concept of pure thinking are revealed simultaneously.

Keywords: S.L. Rubinstein, Cohen, Hegel, Kant, Neo-Kantianism, method, rationalism, dualism, science, philosophical methodology, history of philosophy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-90-102

Citation: Dmitrieva, Nina A. (2021) "Sergey Rubinstein on Hegel's Method of Thinking: a Neo-Kantian Criticism", *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2021), pp. 90–102.

На протяжении полувека (с 1870-х до середины 1920-х гг.) неокантианство в Германии оставалось одним из главных философских направлений, что во многом объяснялось упадком посткантианского идеализма и особенно – гегелевской философии

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant No. 075-15-2019-1929, project "Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions" provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

с ее «диалектическим деспотизмом» (Сеземан 1913, 2) и, как следствие, потребностью в новой философской системе с гибкой методологией для осмысления научного прогресса и вызванных им социокультурных феноменов. Такую систему и такую методологию сформировало и развивало немецкое неокантианство.

Появление неокантианства в России можно рассматривать как показатель того, что, с одной стороны, научный прогресс и сопровождавшие его социальные процессы были не менее бурными в России, чем на Западе, и требовали философского объяснения, а с другой – что в русской интеллектуальной «гильдии» назрела необходимость противопоставить религиозным исканиям, которые с конца XIX в. все упорнее заявляли о себе как о собственно русской, национальной философии, научно обоснованную философию, не ограниченную национальными, конфессиональными или идеологическими рамками. Поэтому русские неокантианцы, следуя за своими немецкими учителями, стремились систематически развивать такую философию, которая не только выступала бы в качестве логики и методологии наук, но и сама строилась бы по правилам и образцу научного знания, имела бы свою собственную предметную область и собственный метод, «ибо философия, конечно, хочет быть наукой» [Natorp 1911, 3]. «В таком, как бы авторизованном самой историей, расположении, — пояснял это стремление Борис Пастернак, – философия вновь молодела и умнела до неузнаваемости, превращаясь из проблематической дисциплины в исконную дисциплину о проблемах, каковой ей и надлежит быть» [Пастернак 2004 III, 168–169].

Задача становления в России философии как науки была воспринята русскими неокантианцами в качестве главной задачи долгого русского Просвещения [Dmitrieva 2016]. Проводимое русским неокантианством строгое отделение философии как науки от мировоззрения и идеологии имело долговременный эффект и позднее, в советский период, позволило ряду ученых-гуманитариев сохранить это разделение в своей научной деятельности. Одним из таких ученых, философские корни творчества которого следует искать непосредственно в неокантианстве, был Сергей Леонидович Рубинштейн [Дмитриева, Левченко 2015], посвятивший свою диссертацию, выполненную под руководством главы Марбургской школы неокантианства Германа Когена, проблеме философского метода.

Судьба этой работы сложилась таким образом, что основной темой рассмотрения в опубликованной версии диссертации оказался диалектический метод Гегеля – философа, высоко оцененного и широко воспринятого в России в XIX в., но к началу XX в. превратившегося в предмет сугубо академического внимания редких специалистов – таких, как Б.Н. Чичерин или, позднее, И.А. Ильин. Для марбургских неокантианцев также было нехарактерно посвящать свои исследовательские усилия проблемам гегелевской философии. Поэтому, прежде чем обратиться к анализу интерпретации Рубинштейном философского метода Гегеля, я уточню, какое место Гегель занимал в концепциях марбургских неокантианцев, и попытаюсь реконструировать изначальный замысел диссертационного сочинения Рубинштейна.

1. Гегель в марбургском неокантианстве: краткий экскурс

В связи с марбургским неокантианством¹ Гегель «получил слово», по всей видимости, только в 1911 г., когда появился в названии статьи ученика Теодора Липпса, мюнхенского философа Эрнста фон Астера (1880–1948), указавшего в ней «на сходства» между философией Гегеля и учением Наторпа [Aster 1911, 1]. Наторп отреагировал на эту публикацию в 1912 г. в знаменитом докладе «Кант и Марбургская школа», признав, что в своем развитии марбургские философы «без сомнения... в значительной мере приблизились к великим идеалистам и преимущественно к Гегелю», но «гегелевские черты», обнаруженные в неокантианских концепциях, «могли бы с тем же правом называться платоновскими»: «...мы связываем Платона с Кантом, как это делал уже Гегель, и отсюда вытекают важные и идущие в глубь согласования частности» [Natorp 2006, 136]. Наторп также отмечает, что марбургские неокантианцы, подобно

Фихте и Гегелю, стремятся «преодолеть дуализм созерцания и мышления, а также формы и материи» [Наторп 2006, 135], и даже шутит, что про Гегеля «можно было бы почти сказать: он разделяет истолкованный и развитый в нашем [марбургском] смысле “критический идеализм” во всем существенном» [там же, 137]. Однако имеющиеся сходства не умаляют различий между марбуржцами и Гегелем [Там же, 136]. Согласно Наторпу, гегелевская философия «пытается с неслыханной дерзостью изложить завершение философии, дать абсолютную философию, которая была бы в то же время и абсолютной наукой. Трансцендентальный идеализм... далек от такой претензии; <...> так как метод непременно имманентен исследованию... то, как бы ни был абсолютен метод в своем основном единстве, его развитию никогда не может быть положен конец и оно не может считаться завершенным ни в одной из особых данных стадий» [Там же].

В том же 1912 г. марбуржец Николай Гартман (1882–1950) опубликовал статью, посвященную специфике метода в философском исследовании [Hartmann 1912; Гартман 1913]. Гартман задается вопросом о систематическом характере трех главных, с его точки зрения, методов философии – описательного, диалектического и трансцендентального [Гартман 1913, 4] – и приходит к выводу, что диалектический и описательный методы обозначают, соответственно, «верхнюю и нижнюю границу всякой познаваемости», определяя, с одной стороны, «сверхнаучный, ибо сверхэмпирический, характер философии», поскольку диалектический метод занят вопросом возникновения категорий друг из друга [там же, 42], а с другой – обеспечивая философии «живую связь с научным опытом» [там же, 45], доставляемым ей описательными методами. Но сама эта связь, а также связь между диалектическим и описательным методами реализуется, согласно Гартману, только в трансцендентальном методе, то есть все три метода систематически связаны между собой при главенстве и посредничестве трансцендентального метода [Гартман 1913]. Вопрос о том, как Гартман обосновывает этот вывод, выходит за рамки моего исследования. Отмечу только, что рассмотрению диалектического метода он посвятил примерно половину своей статьи. И хотя имя Гегеля упоминается на этих страницах считанные разы, Гартман подчеркивает непреходящее значение его философской работы для дальнейшего развития философии² и прежде всего открытого Гегелем понятия «снятие», а также не столько важность его рассуждений о методе как таковом, сколько богатство «содержания... логических осуществлений» его метода [там же, 44]. Эту статью Гартмана не мог не знать Сергей Рубинштейн, когда выбирал тему для своего диссертационного исследования.

Очевидно, под впечатлением от критики Гегеля, набросок которой предложил в своем докладе Наторп, Зигфрид Марк (1889–1957), представитель младшего поколения Баденской школы неокантианства, предпринял анализ последних теоретических сочинений Когена и Наторпа, результаты которого представил в статье «Учение о познающем субъекте в Марбургской школе» [Marck 1913]. Он пришел к выводу, что «обозначение Наторпом марбургской философии как “корреляционного монизма”³ – необычайно удачно выбранное название» [ibid., 385] и что ей, «при всем своем явном отказе от диалектического тождества Гегеля, не удается отмежеваться от него, и отсюда следует срединная позиция между Кантом и Гегелем, между критикой и системой разума, характерная для марбургских учеников» [ibid., 370]. Эрнст Кассирер в статье «Теория познания в сочетании с пограничными вопросами логики» (1913) также отметил «коренное родство» гегелевского проблемоположения и марбургского идеализма [Cassirer 2001, 169–170].

На самом деле все подобные рассуждения о гегелевской философии, даже те, которые исходили от самого Когена и, казалось бы, должны были иметь особое значение для него как автора новой фундаментальной системы философии, едва ли выходили за рамки тезисно-программных замечаний. Но, как представляется, именно они инициировали детальное изучение Гегеля с позиции Марбургской школы, которое предпринял Сергей Рубинштейн. Это была первая серьезная попытка прояснить, в чем состоит размежевание трансцендентной логики Когена и Наторпа с тем, что неокантианцы

называли «абсолютным рационализмом» Гегеля. Исследователь неокантианства Манфред Бреллаге указывает два мотива, почему для марбургцев было так важно провести размежевание с послекантовской философией и, в частности, гегелевской. Во-первых, они не хотели, чтобы их заподозрили в «умозрительном насилии над опытом отдельных наук» [Brelage 1965, 86], что вменялось послекантовскому немецкому идеализму и считалось причиной его краха. Во-вторых, эта проблема стала одним из вопросов философского самоанализа, и без ее решения неизбежно возникли бы трудности в дальнейшем развитии критицизма (см. также: [Holzhey 1986 I, 66–67]).

2. О диссертации

Диссертация под названием «О проблеме метода», научными руководителями которой выступили Коген и Наторп, была принята к защите философским факультетом Марбургского университета 26 мая 1913 г., и Коген высоко оценил ее за «ясность и четкость» (см.: [Sieg 1994, 383]). 11 июня 1913 г. Рубинштейн с отличием сдал устный экзамен [Дмитриева, Левченко 2015, 65]. Первая часть диссертации, посвященная методу Гегеля, была опубликована в Марбурге в 1914 г. [Rubinstein 1914], вероятно, в июне. И за неделю до начала Первой мировой войны, 20 июля 1914 г., Рубинштейн получил докторскую степень [Sieg 1994, 383]. Год между устным экзаменом и выходом книги из печати он провел в Берлине, куда последовал за Когеном, вышедшим в 1912 г. на пенсию, и где под руководством последнего занимался переработкой текста диссертации для публикации. 30 июня 1914 г. Коген писал Наторпу: «Рубинштейн мне чрезвычайно нравится. Я приложил изрядные усилия, чтобы сделать изложение более читабельным» [Holzhey 1986 II, 428]. В качестве прощального подарка своему ученику, возвращавшемуся в Россию, Коген подарил прижизненное издание работ Гегеля «с надписанием» [Брушлинский 1989, 33].

Полное издание книги под названием «О проблеме метода. Абсолютный и дуалистический рационализм и трансцендентальная философия» должно было появиться после 1915 г. в книжной серии «Философские труды», выходившей под редакцией Когена и Наторпа: на задней обложке десятого тома (вып. 1) этой серии, в котором была опубликована книга Когена «Понятие религии в системе философии», в издательском объявлении было указано, что девятый том с работой Рубинштейна «появится позже» [Cohen 1915]. Видимо, из-за начавшейся войны с Россией публикация книги российского подданного была отложена. Со смертью Когена в 1918 г. перестала существовать и сама серия. Подготовленный к публикации текст книги считается утраченным.

В архиве Рубинштейна в Российской государственной библиотеке сохранился экземпляр диссертации [Архив Рубинштейна 1913], по-видимому, идентичный⁴ тому, который был представлен к защите Марбургскому университету в мае 1913 г., и представляющий собой немецкоязычный машинописный текст на 99 листах увеличенного формата (нумерация листов авторская, машинописная) с незначительной правкой и вставками древнегреческих слов от руки. Имеющийся в нашем распоряжении текст позволяет достаточно полно реконструировать замысел первой фундаментальной работы Рубинштейна. По своей структуре текст состоит из «Введения» (л. 1–12) и четырех глав: «Проблема метода» (л. 13–28), «Абсолютный рационализм. Его понятие бытия. Его метод: антиномическая диалектика» (л. 29–50), «Метод на дуалистическом основании» (л. 51–67), «Метод трансцендентализма» (л. 68–99).

Во введении, которое в общих чертах соответствует введению из опубликованной версии, Рубинштейн определяет общую проблему, исследовательские задачи и несколько важных для последующего изложения тезисов⁵. В первых же строчках в виде вопроса формулируется «вечная проблема всякой философии»: «мышление и бытие – где их единство?» [Архив Рубинштейна 1913, 1]. Рубинштейн показывает подлинную вечность этой проблемы, обращаясь к античности и переходя от нее к Шеллингу и Гегелю. В перспективе его собственных исследовательских намерений эта проблема трансформируется им в задачу философии: «...возвышаясь как над

дуализмом, так и над абсолютным, абстрактным тождеством, постичь мышление и бытие в их органическом единстве» [Архив Рубинштейна 1913, 4]. В основе обоих направлений – дуализма и панлогизма (так Рубинштейн обозначает философию Гегеля) – находится абсолютистское понятие мышления, «мышления себя самого» [там же, 10], связь которого с бытием составляет для этих направлений серьезную проблему. Чтобы разрешить ее и, значит, преодолеть обе тенденции в философии, нужно «конституировать другое понятие мышления: трансцендентальное» [там же]. Под трансцендентализмом Рубинштейн понимает «критическую незавершенность, стремление к бесконечному в противоположность абсолютистской завершенности панлогизма, органическое единство мышления и бытия» [там же]. Трансцендентальное понятие мышления, согласно Рубинштейну, представляет собой «мышление другого», то есть «мышление бытия», которое «тем самым впервые становится познанием» [там же, 12]. В зависимости от принятого понятия мышления формируются философские системы, а в них, в свою очередь, определяется тот основной тип метода, опираясь на который «разные системы пытаются конституировать себя в научном отношении» [там же]. Разделяя общее для русских неокантианцев стремление развивать философию как науку, Рубинштейн задается целью выяснить специфику методов философского мышления, функционирующих в рамках панлогизма, дуализма и трансцендентализма.

В главе «Проблема метода» Рубинштейн указывает на наличие «единой главной черты» во «всех направлениях классической философии: признание бытийственного характера [мышления], мышления не только как разума в человеческой голове, но и как логоса бытия» [там же, 13]. Отсюда вытекает цель, стоящая перед философским методом: «Нужно мышление в его “процессе”, систему понятий в ее объективности узаконить через его/ее собственную методологическую структуру, раскрыть и конституировать как бытие» [там же]. Рубинштейн считает, что главной трудностью для философии в ее стремлении стать настоящей наукой является «универсальность ее проблематики»: это провоцирует искусственное вычленение отдельных проблем, изолирование их от остальных, распадение философского исследования на отдельные фрагменты знания, что затрудняет «достижение систематического единства, которое образует форму научности» [там же, 14]. «Поэтому проблема метода как имманентного методологического пути, на котором философия конституирует себя как единое, систематическое целое, для философии и особенно трудна, и особенно важна. Здесь идет речь не более и не менее как о научности философии. Только на путях непрерывного метода, который чисто имманентно сохраняется в предметности и, таким образом, может дать отчет на каждом этапе, философия может конституировать себя как науку и как основание всех наук» [там же, 15]. Следовательно, задачи метода по отношению к философии заключаются, во-первых, в «обеспечении систематического единства как формы научности философии» и, во-вторых, в определении «основных черт ее структуры» [там же, 22]. Возвращаясь к идее о зависимости метода мышления от того, как понимается мышление в рамках того или иного философского направления, Рубинштейн в следующих главах предпринимает исследование этой зависимости и ее ближайшего следствия – продуктивности метода каждого из указанных в названиях глав направлений при решении проблемы единства бытия и мышления и, соответственно, условий возможности познания.

В главе, посвященной «абсолютному рационализму», Рубинштейн с самого начала формулирует свой тезис, к которому в итоге сведется вся аргументация этого раздела: «...абсолютный рационализм не только не обосновывает рациональность мышления – он делает ее невозможной. Ее необходимое “условие возможности” – преодоление рационализма как метафизики бытия» [там же, 29]. Я не буду останавливаться здесь на том, как Рубинштейн обосновывает этот тезис, потому что этот вопрос будет подробно освещен в следующем разделе статьи в связи с критикой Рубинштейном гегелевского метода, развитой в опубликованной части диссертации. В целом, концепция и ход мыслей, представленные в архивной версии, сохранились и в печатном варианте, но анализ и аргументация стали в нем гораздо более подробными.

В следующей главе Рубинштейн анализирует метод дуалистических систем, понимая под дуализмом такие системы, в которых бытие требует своего обоснования

в логическом, как это имеет место в таких парах, как, например, «неопределенное и его определение, <...> мир явлений и мир ноуменов, выступающий как “основание” или “сущность” этого являющегося мира» [Архив Рубинштейна 1913, 51]. Так, у Пифагора «число» и у Декарта «протяженность» превратились в «субстанцию» и стали основанием для дуалистических систем, потому что у них «понятийное содержание принципа» было абсолютизировано «в бытие» [там же, 57]. В качестве альтернативы подобным системам Рубинштейн указывает кантовское обоснование познания. Категории у Канта представляют собой необходимые условия *возможности* опыта, а не условия самого опыта. Категории – это априорные основания объективной реальности познания предметов в пространстве и времени. Поэтому кантовский трансцендентальный метод для Рубинштейна – «самое радикальное преодоление дуализма» [там же, 65]. Однако Кант, согласно Рубинштейну, все же «исходит из некой дуалистичной данности», которая обнаруживается в дуальности мышления и многообразного, данного в созерцании. И функция категорий заключается в том, чтобы «установить отношение многообразного к единству» [там же, 66]. С точки зрения этой функции, общей для всех категорий, они сливаются, по мнению Рубинштейна, в некое «недифференцированное и недифференцируемое единство» [там же], различные значения которого и систематическая связь Кантом не обосновываются. Поэтому привычный для дуализма упрек в обособлении мышления по отношению к бытию, в конечном счете, к Канту не относится.

В заключительной главе методам абсолютного рационализма и дуализма Рубинштейн противопоставляет «метод трансцендентализма», который обосновывает бытие как функцию мышления и тем самым сохраняет «другое» логоса [там же, 69]. Это достигается путем обоснования необходимой связи категорий между собой, причем категории должны содержать в себе отношение к тому, что ими конституировано, то есть к формам предметного познания [там же, 70]. Систему таких категорий Рубинштейн, полемизируя с Гегелем, называет «трансцендентальной диалектикой» [там же, 71]. «Первый принцип» систематической связи категорий получает у Рубинштейна особо важное значение: его содержание нельзя определить внешним отношением и потому подлечит, скорее, самообоснованию [там же, 75–76]. После подробной полемики с Гегелем по поводу начала его «Науки логики» с содержательно пустым принципом бытия [там же, 77–86] Рубинштейн обращается к принципу истока (Ursprung) [там же, 86], разработанному в когеновской «Логике чистого познания». Содержание этого принципа определяется имманентной дуальностью мыслей о «ничто» и «нечто», благодаря которой возникает категория различия. Отсюда же выводится одновременно и методологический принцип сплошной связности категорий, или, как называет его Коген, непрерывности [там же, 95–97]. Связь категорий обосновывается тем, что каждая категория вводится в качестве решения имманентной логической проблемы, заключенной в предшествующей ей категории. Еще один аспект, критически направленный против гегелевской системы, – открытость системы категорий, что является следствием функционирования динамического принципа истока.

3. Критика гегелевского метода

Еще более подробное рассмотрение гегелевского метода и сформированной на его основе системы дается в опубликованной версии диссертации. Хотя Хельмут Хольцхай утверждает, что Рубинштейн здесь неявно ссылается на Наторпа [Holzhey 1986 I, 59] – ни имя Наторпа, ни имя Когена в этой версии (в отличие от архивной) не встречаются, – я попытаюсь показать, что именно концепция Когена лежит в основе критической позиции Рубинштейна и что Рубинштейн в своем исследовании во многом продолжает именно когеновскую критику Гегеля⁶.

Целью своей работы Рубинштейн называет «исследование абсолютного рационализма», который – и это его первый тезис – «оказывается дуалистичным» [Rubinstein 1914, 2]. Рубинштейн исходит из того, что «имманентность мышления и бытия» является «необходимой основой» трансцендентальной логики, а также «всей истинной

философии» [Rubinstein 1914, 2]. Подразумевается, что все бытие в его содержательной определенности является функцией мышления. Под дуализмом Рубинштейн понимает независимость бытия от мышления и наоборот [ibid., 3] и находит такие дуалистические черты в «Науке логики» Гегеля.

Рубинштейн исходит из того, что вся рационалистическая философия основывается на двух известных положениях. Первое положение относится к Платону и гласит: «...в [отвлеченных понятиях] рассматривать истину бытия» (Федон 99e). Второе – положение Парменида, согласно которому «мышление и бытие – одно и то же» [Rubinstein 1914, 9]. Провозглашенное тем самым единство мышления и бытия может реализоваться в том случае, если истинным бытием признается только то, что «в соответствии со всем его определением полностью входит в его понятия» [ibid., 10]. Из этого следует, что все содержание бытия раскрывается лишь в форме мышления, выражающегося в истинных суждениях. Именно это имеет в виду Рубинштейн, когда утверждает, что то, что заложено в понятии, *существует* «только... в истине» [ibid.]. У марбургских неокантианцев этот тезис обнаруживается в обосновании объективности познания (прежде всего, естественнонаучного) законами, которые порождаются мышлением. Априорные принципы этих законов должны быть предоставлены философией. Поэтому объектами философии являются не предметы опыта, а законы, лежащие в их основе. Таков смысл часто цитируемой формулировки Когена: «Объектами [познания]... являются не звезды на небе; а астрономические вычисления... являются как бы тем реальным, которое необходимо объяснить... Объектами являются эти факты законов, а не звезды» [Cohen 2001, 27–28].

Далее Рубинштейн пытается показать, что после того, как Гегель снимает в понятии все определения бытия, понятие бытия может мыслиться только как «пустая неопределенность» [Rubinstein 1914, 11], как «абстрактное, непосредственное отрицание» [Гегель 1970 I, 141], которое равнозначно «ничто», и это грозит, согласно Рубинштейну, «метафизическим *нигилизмом*» [Rubinstein 1914, 11]. Выход из этой дилеммы он видит в том, чтобы развивать бытие из логической структуры самого понятия. Так Рубинштейн понимает «метод рационализма» у Гегеля и его тезис о «самодвижении понятия» [ibid., 12] и приходит к выводу, что нет определения, которое можно было бы понять как «независимое, самостоятельно существующее». Скорее, понятие – гегелевское понятие – должно «продолжать определять себя и нести себя в постоянном поступательном движении (Fortgang), в бесконечном обособлении... вплоть до тотальности конкретного» [ibid.].

Среди немногочисленных комментариев Когена к Гегелю, как правило, критического содержания, есть замечание о том, что в диалектическом движении «все бытие развертывается как саморазвитие понятия» и, следовательно, «понятие, логос... есть бытие» [Cohen 2005, 416]. Но, по мнению Когена, диалектическое «самопреобразование понятия» остается в статусе простой возможности, которая не достигает бытийственного содержания реальности [ibid.]. Эта когеновская оценка вполне совпадает с позицией Рубинштейна.

Принципиальный дефект гегелевского метода Рубинштейн видит в непреодолимой «дуальности установленного и становящегося» [Rubinstein 1914, 16], что очевидно уже в начале «Науки логики», поскольку пустое, неопределенное бытие является абсолютной основой всех дальнейших логических определений и остается принципиально отличным от них. Из дальнейших размышлений Рубинштейна становится ясным, что его интерпретация Гегеля основывается на плотиновской концепции Единого, которое является абсолютной основой Всего и как таковое трансцендентно по отношению ко Всему. Однако из-за этой трансценденции, по мнению Рубинштейна, «имманентное поступательное движение... невозможно» [ibid., 22].

Есть еще один момент, важный для позиции Рубинштейна. Он рассматривает гегелевское понятие бытия исключительно в свете его характеристик неопределенности и пустоты, и потому оно оказывается у Рубинштейна тождественным понятию «ничто». Следовательно, о переходе и тем более о единстве обоих определений в понятии

становления не может быть и речи. Рубинштейн упускает из виду тот факт, что Гегель связывает с понятием бытия, в отличие от понятия «ничто», воплощение чего-то вроде реальной содержательности, и только потому, что в нем нет дальнейших логических определений, его можно приравнять к понятию «ничто». Смысл единства обоих определений выражается, по мнению Гегеля, в понятии становления. Поэтому оно, а не понятие бытия, должно – вопреки Рубинштейну – рассматриваться как первое действительное определение в гегелевской «Науке логики».

«Этот дуализм проявляется повсюду» [Rubinstein 1914, 14], – гласит следующий тезис Рубинштейна, подтверждение которому он находит также в философии Фихте с ее непреодоленной дуальностью Я и не-Я и поздней концепцией о различии между бытием и знанием. Абсолют Шеллинга, «абсолютная первопричина всей реальности», которую Шеллинг определяет как «чистое безразличие А – А» [ibid., 24], тоже является содержательно пустым трансцендентным по отношению ко всему понятийно определенному содержанию. И, наконец, Рубинштейн видит подтверждение дуализма в гегелевской концепции абсолютной идеи, которой завершается система логических определений. Он объясняет это тем, что абсолютная идея оказывается последним основанием всех логических определений – и потому она непреодолимо трансцендентна по отношению к ним. Гегелевская концепция развития логических определений, согласно которой «определение идущего вперед» на самом деле является «обоснованием идущего назад» [ibid., 31] (см.: [Гегель 1970, 127]), представляется поэтому Рубинштейну не выражением единой в себе систематической связи, а «раздвоением», доминирующим в гегелевской системе с самого начала [Rubinstien 1914, 31]⁷.

Критический тезис Рубинштейна в адрес Гегеля о трансценденции бытия по отношению ко всем дальнейшим логическим определениям восходит к когеновской концепции последнего основания. Коген понимает последнее основание как основоположение, гипотезу, понятую в духе платонизма, то есть принцип, содержащий общее правило, которое должно быть действительным для логической формы всех последующих категорий. Коген называет эту логическую форму «сохранением... различения и объединения» [Cohen 2005, 61–61]. Речь идет о функциональной связи, которая имеет отношение ко всем формам суждений, в которых выражается понятийно определенное содержание, поскольку в каждом суждении проводится как различение, так и синтез того, что различается. Под «сохранением» Коген понимает открытый процесс производства предмета познания, под которым подразумевается, правда, только регулятивная идея научного познания. Этот принцип познания выражается в понятии гипотезы. Его содержание тем самым – это не то, что реально дано, а то, как неоднократно подчеркивает Коген, что *задано*. Отсюда становится понятной критика Рубинштейна в адрес гегелевского понятия бытия, которому, по его мнению, приписывается самостоятельное содержание и которое трансцендентно по отношению ко всем остальным категориям. В концепции Когена о принципе гипотезы и то, и другое исключено. Поскольку познание, согласно Когену, это открытый процесс, оба – и Коген, и Рубинштейн – считают несостоятельным и даже ошибочным гегелевское понятие абсолютной идеи как интегрального завершения системы логических категорий [Rubinstein 1914, 55]. Точнее, гегелевская ошибка, как они полагают, заключается в том, что его абсолютная идея являет собой окончание, поскольку является воплощением всех ранее развитых понятийных определений, а также включает в себя только то, что представлено в форме понятия. Наконец, Рубинштейн считает несостоятельным и гегелевское диалектическое снятие понятийных определений. Согласно Рубинштейну, ни одно понятие не может быть «показано недействительным (nichtig)», «каждое понятие... должно также наличествовать для себя». Поэтому и категории нельзя умалять «до простых моментов» [ibid., 44].

Когда Рубинштейн, критикуя Гегеля, говорит об «истинном преодолении дуализма», при котором понятие применяется как функция в «открытой системе» и в «бесконечном “процессе”» [ibid., 56], то совершенно ясно, что он ориентируется на когеновское понятие гипотезы и открытую систему категорий, которую Коген обосновал

в своей «Логике чистого познания». Под открытой системой категорий понимается такая система, в которой не только учитываются новые категориальные определения, впервые открывающиеся в процессе научного исследования, но и гипотеза, которая как методологическое правило может реализоваться только в бесконечном процессе и не может предпосылаться ему как существующая сама по себе нормативная инстанция. Здесь важное место занимает понятие долженствования, неоднократно цитируемое в теории и методологии марбургского неокантианства и заимствованное из ранних версий наукоучения Фихте. Для Когена, Наторпа и Рубинштейна это понятие обозначает статус познания в смысле задачи, которая не завершена и которая не может быть обоснована в закрытой системе разума.

Заключение

Очевидно, что Рубинштейн, так же как Коген и Наторп, повторяет с противоположным знаком и обращает против Гегеля критику, которую сам Гегель, как известно, выдвинул против наукоучения Фихте и кантовского понятия бесконечной идеи [Гегель 2016, 104]. Но важно не это, а то, что Рубинштейн вменяет гегелевской «Науке логики» теоретико-познавательные различия между понятием и предметом понятия, мышлением и бытием, которые уже в конце «Феноменологии духа» преодолены понятием абсолютного знания, и отсюда развивает свою критику в адрес Гегеля. Однако на месте этих различий выступает вкупе с понятием абсолютного знания такое единство, которое конституируется в отношении к Другому, отличному от него [Гегель 1999, 422–424]. Это единство положено Гегелем в основу «Науки логики» и представляет собой, можно сказать, гегелевскую гипотезу, которая имплицитно лежит в основе всех остальных категорий. Это означает, что категории, которые развивает «Наука логики», также не могут быть охарактеризованы указанными различиями. Они получают свое значение как разные формы представления этого дифференцированного внутри себя единства, которое не исключает Другое, а берет верх над ним.

В этой связи необходимо отметить, что в неокантианской рецепции Гегеля почему-то очень мало внимания уделялось его «Феноменологии духа». Причина этого может скрываться в том, что представление Гегелем «формообразований сознания» [Там же, 50] выглядело, с точки зрения неокантианцев, как психологизм, который современная теория познания должна преодолеть. Решению этой задачи были посвящены когеновская концепция чистого мышления и проект учения о чистых категориях и суждениях в «Логике чистого познания», исходя из которых требовалось обосновать реальную содержательность познания. Рубинштейн, как мы видели, приписал Гегелю дуалистическую позицию, которая не преодолевает различие между бытием и мышлением, а только усиливает его. Из такой перспективы Рубинштейн не смог увидеть, что гегелевская «Наука логики» — это теория чистого мышления, которая стремится обосновать реальную содержательность мышления на основе методологического правила, с помощью которого *одновременно* развивается и различие бытия и мышления, и их единство с чистым мышлением. Возможно, именно очевидная близость неокантианской логики чистого познания к гегелевской философии [Саккетти 2021, 126] совсем скоро привела некоторых представителей неокантианства к реабилитации Гегеля в форме неогегельянства⁸. Сергей Рубинштейн оказался среди тех, кто своей критикой в адрес Гегеля невольно готовил интеллектуальные условия этого движения.

Примечания

¹ В баденском неокантианстве исследования, посвященные Гегелю, появлялись и ранее. В этой связи следует, в частности, указать диссертацию русского неокантианца Моисея Матвеевича Рубинштейна, подготовленную под руководством Г. Риккерта и опубликованную по-русски в 1905 г., то есть за год до публикации по-немецки в 1906 г. (см.: [Рубинштейн 1905; Rubinstein 1906]).

² См. подробнее: [Levy 1927, 52].

³ Это выражение встречается в книге Наторпа «Общая психология согласно критическому методу», опубликованной в 1912 г. (см.: [Natorp 2013, 129]).

⁴ Отсутствие в экземпляре из Отдела рукописей РГБ явным образом сформулированного заключения заставляет говорить о полноте текста и, соответственно, его идентичности окончательной версии диссертации с осторожностью. В архивах Марбурга экземпляр диссертации Рубинштейна в версии 1913 г. отсутствует. В университетской библиотеке хранится только официально опубликованная версия 1914 г.

⁵ В силу труднодоступности этого текста я позволю себе привести ряд цитат разного объема в собственном переводе.

⁶ Несмотря на то что Коген, согласно его собственному, цитированному выше высказыванию, «приложил изрядные усилия» к этому тексту в ходе его подготовки к публикации, Рубинштейн уже изначально, как это видно из реконструкции, представленной в предыдущем разделе, в своих оценках гегелевской философии ориентировался преимущественно на Когена.

⁷ Рубинштейн описывает порядок понятий в гегелевской диалектике как «эволюционистский», а иерархию понятий в неоплатонизме как «эманатическо-субординирующую». Однако обе концепции характеризует, согласно Рубинштейну, «дуалистическая трансценденция» [ibid., 26].

⁸ См. об этом подробнее: [Levy 1927].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Архив Рубинштейна 1913 – Архив С.Л. Рубинштейна: Rubinstein, Sergei. Eine Studie zum Problem der Methode. НИОР РГБ. Ф. 642. К. 2. Ед. хр. 4. 99 л. (Rubinstein, Sergei, “Eine Studie zum Problem der Methode”, *S.L. Rubinstein’s Archive*, in German).

Гартман 1913 – Гартман Н. Систематический метод // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1913. Кн. 3–4. С. 1–45 (Hartmann, Nicolai, *The Systematic Method*, in Russian).

Гегель 1970 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. М.: Мысль, 1970 (Hegel, Gotfried W.F., *The Science of Logic*, Russian Translation).

Гегель 1999 – Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. Г.Г. Шпета. Репринт. воспроизв. издания 1959 г. СПб.: Наука, 1999 (Hegel, Gotfried W.F., *The Phenomenology of Spirit*, Russian Translation).

Гегель 2016 – Гегель Г.В.Ф. Вера и знание, или рефлексивная философия субъективности в полноте своих форм как философия Канта, Якоби и Фихте / Пер. с нем. и примеч. А.А. Иваненко // ESSE. Философские и теологические исследования. 2016. Т. 1. № 1. С. 98–132 (Hegel, Gotfried W.F., *Faith and Knowledge*, Russian Translation).

Наторп 2006 – Наторп П. Кант и Марбургская школа // Наторп П. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 119–144 (Natorp, Paul, *Kant and the Marburg School*, Russian Translation).

Пастернак 2011 – Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 3. М.: Слово / Slovo, 2011. С. 148–238 (Pasternak, Boris L., *Safe Conduct*, in Russian).

Рубинштейн 1905 – Рубинштейн М.М. Логические основы системы Гегеля и конец истории // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 80. № 5. С. 695–764 (Rubinstein, Moses M., *Logical Foundations of Hegel’s System and the End of History*, in Russian).

Саккетти 2021 – Саккетти А.Л. Философия Германа Когена / Публ., предисл. и коммент. Н.А. Дмитриевой // Кантовский сборник. Т. 40. № 2. С. 95–130 (Sakketti, Aleksandr L., “The Philosophy of Hermann Cohen”, *Kantian Journal*, Vol. 40 (2), pp. 95–130, in Russian and in English).

Сеземан 1913 – Сеземан В.Э. Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. 1913. Вып. 5. С. 1–34 (Seseman, Vasilii E., *The Theoretical Philosophy of the Marburg School*, in Russian).

Aster, Ernst v. (1911) “Neukantianismus und Hegelianismus. Eine philosophie-geschichtliche Parallele”, Pfänder, Alexander, ed., *Münchener Philosophische Abhandlungen. Theodor Lipps zu seinem 60. Geburtstag gewidmet*, Barth, Leipzig, pp. 1–25.

Cassirer, Ernst (2001) “Erkenntnistheorie nebst den Grenzfragen der Logik (1913)”, Cassirer, Ernst, *Gesammelte Werke, Hamburger Ausgabe*, Hrsg. von B. Recki, Bd. IX: Aufsätze und kleine Schriften (1902–1921), Meiner, Hamburg, pp. 139–200.

Cohen, Hermann (1915) *Der Begriff der Religion im System der Philosophie*, Töpelmann, Giessen.

Cohen, Hermann (2001) *Werke*, Hrsg. von Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von H. Holzhey, Bd. 2: Kants Begründung der Ethik, Olms, Hildesheim, Zürich, New York.

Cohen, Hermann (2005) *Werke*, Hrsg. von Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von H. Holzhey, Bd. 6: System der Philosophie, Teil 1: Logik der reinen Erkenntnis, Olms, Hildesheim, Zürich, New York.

Hartmann, Nicolai (1912) "Systematische Methode", *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, Vol. 3 (2), pp. 121–163.

Levy, Heinrich (1927) *Die Hegel-Renaissance in der deutschen Philosophie mit besonderer Berücksichtigung des Neukantianismus*, Pan-Verlag Rolf Heise, Berlin, Charlottenburg.

Marck, Siegfried (1913) "Die Lehre vom erkennenden Subjekt in der Marburger Schule", *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, Vol. 4 (3), pp. 364–386.

Natorp, Paul (1911) *Philosophie, ihr Problem und ihre Probleme: Einführung in den kritischen Idealismus*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen.

Natorp, Paul (2013) *Allgemeine Psychologie nach kritischer Methode*, hrsg., kommentiert und mit einer Einleitung versehen von S. Luft, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt.

Rubinstein, Moses (1906) *Die logischen Grundlagen des hegelschen Systems und das Ende der Geschichte. Inaugural-Dissertation*, C.A. Kaemmerer & Co., Halle.

Rubinstein, Sergei (1914) *Eine Studie zum Problem der Methode: I. Absoluter Rationalismus (Hegel)*. Teildruck. *Inaugural-Dissertation*, Weimar – Hof-Druckerei, Marburg.

Ссылки – References in Russian

Брушлинский 1989 – *Брушлинский А.В.* Новые материалы для научной биографии С.Л. Рубинштейна // Применение концепции С.Л. Рубинштейна к разработке вопросов общей психологии / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской. М.: АН СССР, Институт психологии, 1989. С. 31–48.

Дмитриева, Левченко 2015 – *Дмитриева Н.А., Левченко В.В.* Из Марбурга в Одессу: материалы к научной биографии С.Л. Рубинштейна // Кантовский сборник. 2015. № 1 (51). С. 55–71.

References

Brelage, Manfred (1965) *Studien zur Transzendentalphilosophie*, De Gruyter, Berlin.

Brushlinsky, Andrei V. (1989) "New Material for the Scientific Biography of S.L. Rubinstein", Abul'khanova-Slavskaya, Kseniya A., ed., *Application of S.L. Rubinstein's Conception to the Development of General Psychology*, USSR Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, pp. 31–48 (in Russian).

Dmitrieva, Nina A., Levchenko, Valerii V. (2015) "From Marburg to Odessa: A Contribution to the Scientific Biography of S.L. Rubinstein", *Kantian Journal*, Vol. 1 (51), pp. 55–71 (in Russian).

Dmitrieva, Nina A. (2016) "Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism", *Russian Studies in Philosophy*, Vol. 54 (5), pp. 378–394.

Holzhey, Helmut (1986) *Cohen und Natorp*. In 2 Bänden, Schwabe & Co, Basel, Stuttgart.

Sieg, Ulrich (1994) *Aufstieg und Niedergang des Marburger Neukantianismus. Die Geschichte einer philosophischen Schulgemeinschaft*, Königshausen & Neumann, Würzburg.

Сведения об авторе

ДМИТРИЕВА Нина Анатольевна – доктор философских наук, иностранный член-корреспондент Австрийской академии наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета; научный директор Академии Кантианы, ключевой исследователь лаборатории «Кантианская рациональность» Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград.

Author's Information

DMITRIEVA Nina A. – DSc in Philosophy, Corresponding Member Abroad of the Austrian Academy of Sciences (ÖAW), Professor of Philosophy of the Moscow Pedagogical State University (MPGU); Scientific Director of the Academia Kantiana, Key Researcher of the Kantian Rationality Lab at the Institute for the Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.